ДАГЕСТАНСКАЯ ПРАВДА
г. Махач-Кала

1860 ЧЕХОВ — ЭТО ПУШКИН В ПРОЗЕ! 1960

Л. ТОЛСТОЙ

КЛАССИК РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Сто лет назад, 29 января 1860 года, родился Антон Павлович Чехов — великий русский писатель, гениальный художник слова, снискавший признательность и любовь не только у своего народа, но и у всего прогрессивного человечества.

Свою литературную деятельность Чехов начал в 80-е годы, в период политической реакции, когда передовая интеллигенция подвергалась травле и всякая живая мысль жестоко преследовалась. Он выступил как продолжатель демократических традиций русской литературы, защитник угнетенных и обездоленных масс, обличитель ненавистного ему эксплуататорского строя. Все силы своего ясного ума и чудесного таланта Антон Павлович отдал борьбе за светлую, счастливую жизнь простых людей, тружеников, мечтавших о правде, справедливости и свободе.

А. П. Чехов оставил богатейшее, поистине бесценное литературное наследие. Прошло более полустолетия после смерти писателя, а его художественные произведения не только не померкли, — они как бы засияли новым светом, озаряя нашу жизнь, доставляя читателям радость познания и эстетическое наслаждение.

Коммунистическая партия с первых дней своего существования взяла чеховское творчество себе на идейное вооружение. Вождь и организатор нашей партии В. И. Ленин любил Чехова, перечитывал его произведения. Чеховские образы использовал Владимир Ильич в борьбе с противниками большевизма, с предателями революции. Образом Душечки из одноименного рассказа Чехова Ленин заклеймил соглашательскую тактику меньшевиков.

Чеховские образы живут и раскрываются перед нами своими новыми гранями. Живет и Беликов — «человек в футляре», приверженец всего старого, рутины. Этот образ Н. С. Хрущев использовал в отчетном докладе ЦК КПСС на XX съезде партии для характеристики некоторых хозяйственников и партийных работников, проявляющих самоуспокоенность и рутинерство, недооценивающих необходимости постоянного совершенствования производства, внедрения новейших достижений науки и техники.

В чем же сила обаяния чеховских произведений? Почему они и теперь захватывают нас, волнуют наши чувства? Почему миллионы читателей высоко ценят и горячо любят Чехова?

Мысли и чувства писателя, выраженные им в художественных произведениях, созвучны и близки душевному миру советского читателя. Чехов любил свой народ, жил его интересами и надеждами. Правдиво изображая жизнь, он помогал людям увидеть ее красоту и ее недостатки.

Чехов хотел видеть человека с ясным умом, нравственно чистым, физически опрятным. Любимый герой Чехова доктор Астров говорит: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Эти слова записала себе в дневник Зоя Космодемьянская, образ которой стал символом беспримерного мужества и духовной красоты советского человека.

Сочувствуя забитым и бесправным труженикам, Чехов презирал барский паразитизм, буржуазное хамство, ненавидел порабощение, в какой бы форме оно ни выражалось. В своих многочисленных рассказах писатель бичевал собственническое свинство, обывательскую, мещанскую пошлость старого, отживающего мира. «Он, — писал Горький о Чехове, — обладал искусством всюду находить и оттенять пошлость,—искусством, которое доступно только человеку высоких требований к жизни, которое создается лишь горячим желанием видеть людей простыми, красивыми, гармоничными. Пошлость всегда находила в нем жестокого и строгого судью».

За ширмой обывательского спокойствия и мещанского благодушия зоркий ум Чехова видел тяжкие страдания людей, неподдельное человеческое горе, обусловленные существовавшим социальным порядком. В пору своей творческой зрелости Чехов написал рассказ «Палата № 6». В этом рассказе звучит гневное обличение самодержавного строя с его зловещим тюремным режимом. Велика сила воздействия этого произведения на сознание и чувства человека. Молодой В. И. Ленин рассказывал своей сестре Анне Ильиничне: «Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, я встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно и я заперт в палате № 6».

В ряде произведений («Мужики», «В овраге» и др.) Чехов очень ярко изобразил крестьянскую жизнь, показав безысходную бедность, забитость и темноту крестьян, жадность и жестокость хищника-кулака. Писатель нарисовал также обширную галерею интеллигентов, изувеченных рабской жизнью, духовно опустошенных, не видящих цели в своей жизни.

Велико значение Чехова-драматурга в развитии русского театра. Чеховские пьесы («Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад» и др.) сыграли огромную роль в становлении Московского Художественного театра, являющегося гордостью нашего народа.

Чехов — непревзойденный мастер короткого и увлекательного рассказа. Он умел несколькими точными и яркими штрихами передать сущность и своеобразие героя, создать правдивый, типический характер. Так, герой маленького рассказа унтер Пришибеев оказался монументальным образом, ставшим в один ряд с такими знаменитыми сатирическими типами, как Собакевич и Иудушка Головлев. И недаром Лев Толстой, перечитывая чеховские рассказы, с восхищением восклицал: «Чехов — это Пушкин в прозе!»

Чехов оказал и продолжает оказывать большое влияние на развитие не только русской, но и всей мировой литературы. Прогрессивные писатели всего мира с воодушевлением воспринимают глубокий гуманизм Чехова, благородство его идеалов, его смелость в разоблачении буржуазного мира. Известный английский писатель Джон Голсуорси еще в 1928 году писал: «В течение последних двадцати лет самым могучим магнитом для молодых писателей многих стран был Чехов».

Суровая критика дореволюционной действительности сочеталась у Чехова с верой в прекрасное будущее России, в могучие силы русского народа. Хотя писатель и не знал путей, по которым родина шла к свободе, он тем не менее предвидел необычайный расцвет народной жизни. Он говорил, что надвигается «здоровая сильная буря», которая обновит жизнь. Он верил, что скоро наступит «новая, ясная жизнь, когда можно будет прямо и смело смотреть в глаза своей судьбе, сознавать себя правым, быть веселым, свободным!».

У Чехова была задушевная мечта, которую он лелеял до конца своих дней,—сделать жизнь красивой, легкой, удобной. Думая о будущем счастье человечества, Антон Павлович как-то сказал писателю А. И. Куприну: «...Вся земля обратится в цветущий сад. И жизнь будет тогда необыкновенно легка и удобна». Эту свою мечту писатель художественно выразил и в ряде своих произведений.

Чехову не довелось дожить до революционной бури, о которой он мечтал; не пришлось ему увидеть новую жизнь, завоеванную в грозовые октябрьские дни 1917 года. А как радовался бы писатель в наши дни, видя осуществление своей заветной мечты. Теперь Советская Родина действительно становится цветущим садом.

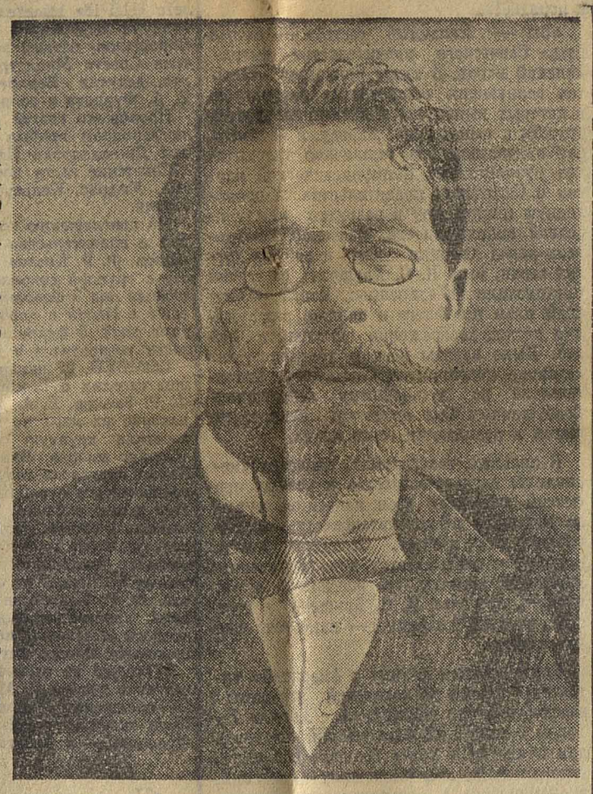
Юбилей Чехова — радостное событие в нашей стране. Советские люди с горячей любовью и глубокой благодарностью произносят имя правдивого и честного художника, который своими произведениями помогает воспитывать благородные чувства и помыслы.

Чехов был вдохновенным поэтом труда, поэтом творчества во имя счастья родины. И мы учимся у него, у его любимых героев трудиться самоотверженно, творить во имя прекрасного коммунистического будущего.

С помощью Чехова мы боремся и с пережитками прошлого — с бюрократизмом, взяточничеством, спекуляцией, подхалимством, пьянством и другими пороками старого общества.

Советским людям беспредельно дорог и близок обаятельный облик А. П. Чехова, светлый гений которого будет жить в героических победах нашего народа, в его борьбе за мир и счастье всего трудового человечества.

И. ВОСТРЫШЕВ,
кандидат филологических наук.



Сестра таланта

Антон Павлович Чехов, будучи поразительно скромным человеком, незадолго до смерти говорил, что его будут читать еще только семь лет. С тех пор, как были сказаны эти слова, прошло более полувека, а интерес широких масс читателей к творчеству Чехова неизмеримо возрос, он стал подлинно народным писателем. Теперь уже никто не сомневается в том, что его творения бессмертны, они будут волновать новые и новые поколения во всех частях земного шара.

Произведения Чехова — национальная гордость русского народа. В то же время они стали достоянием всего человечества. Чехов известен и любим в Европе и Америке, в Азии и Африке. Отношение передовой интеллигенции зарубежных стран к творчеству Чехова ярко выразил мексиканский ученый и писатель Хосе Мансисидор: «Чехов подарил человечеству так много изумительных произведений, что оно до сих пор находится в долгу перед ним».

Мировая слава Чехова объясняется, прежде всего, тем, что он был писателем-новатором, проложившим новые пути в художественном развитии человечества. Диву даешься, когда думаешь о том, что Чехов сумел сказать новое слово в литературе, создателями которой были такие гиганты, как Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Тургенев, Лев Толстой.

Невозможно в газетной статье коснуться всех сторон вопроса о новаторстве Чехова-художника. Отметим лишь одну сторону — простоту и краткость в чеховской прозе. Характеризуя писательскую манеру Чехова, Л. Н. Толстой говорил: «Ни-когда у него нет лишних подробностей, всякая или нужна, или прекрасна».

Работа Чехова над словом — это поучительная школа для писателей. Авторы многословных толстых романов должны были помнить, что великий мастер русской прозы терпеть не мог длиннот в беллетристике, учил беспощадно вычеркивать все лишнее, не имеющее прямого отношения к создаваемому образу. Чехов подчеркивал, что «искусство писать состоит собственно не в искусстве писать, а в искусстве... вычеркивать плохо написанное».

Чехову была чужда искусственная усложненность художественной формы, он решительно отвергал всевозможные словесные выкрутасы, ратовал за простоту и краткость в беллетристике. В этом отношении Чехов был прямым последователем и учеником великого Пушкина, утверждавшего, что «точность и краткость — вот первые достоинства прозы». Полностью разделяя мнение Пушкина, Чехов любил повторять: «Краткость — сестра таланта».

Чехов учил, что необходимо избегать неоправданных длиннот в описаниях, как можно выразительнее надо показывать природу и людей в произведениях художественной прозы. Чехов как-то сказал Бунину: «Очень трудно описывать море. Знаете, какое описание моря читал я недавно в одной ученической тетрадке? «Море было большое». И только. По-моему, чудесно».

Высказывания Чехова по вопросам литературного творчества имеют огромное значение в деле овладения современными писателями мастерством. Они, эти высказывания вдохновенного художника слова особенно ценны для молодых литератур, не имеющих традиций и опыта в области художественной прозы.

Одним из самых серьезных недостатков современной дагестанской прозы, в частности кумыкской, является многословие. За последние два-три года в кумыкской литературе появились об'емистые повести, в которых много говорится о хороших людях, но самих этих людей не видно, ибо некстати использованные слова становятся надоедливыми и бесцельными. Каждое слово должно быть на своем месте, несет определенную смысловую нагрузку. Нельзя злоупотреблять словами, разбрасываться ими. В произведениях художественной прозы каждая фраза должна быть удобочитаемой, доходчивой, а для этого писателю необходимо упорно работать над словом, умело пользоваться им.

В 1899 году в письме к А. М. Горькому Чехов писал: «Понятно, когда я пишу: «человек сел на траву»; это понятно, потому что ясно и не задерживает внимания. Наоборот, неудобопонятно и тяжеловато для мозгов, если я пишу: «высокий, узкогрудый, среднего роста человек с рыжей бородкой сел на зеленую, уже измятую пешеходами траву, сел бесшумно, робко и пугливо оглядываясь». Остро высмеивая искусственные усложнения художественной формы, А. П. Чехов учил писателей бережному отношению к слову, являющемуся первоэлементом литературы.

Как произведения Чехова, так и его мудрые советы, высказывания по вопросам технологии творчества помогают современным писателям совершенствовать свое мастерство, еще острее чувствовать ответственность перед народом, отразить героический труд которого призвана наша многонациональная советская литература.

Камиль СУЛТАНОВ.

Мысли гражданина и художника

...Все мы народ, и все то лучшее, что мы делаем, есть дело народное.

* * *

Какое наслаждение — уважать людей!

* * *

Если вы будете работать для настоящего, то ваша работа выйдет ничтожной; надо работать, имея в виду только будущее.

* * *

...Я реагирую! На боль я отвечаю криком и слезами, на подлость — негодованием, на мерзость — отвращением. По-моему, это, собственно, и называется жизнью.

* * *

Желание служить общему благу должно непременно быть потребностью души, условием личного счастья...

В 1944 году, 15-го июля, в связи с 40-летием со дня смерти Антона Павловича Чехова, в Москве, в Большом театре, состоялся торжественный вечер, посвященный памяти великого русского писателя.

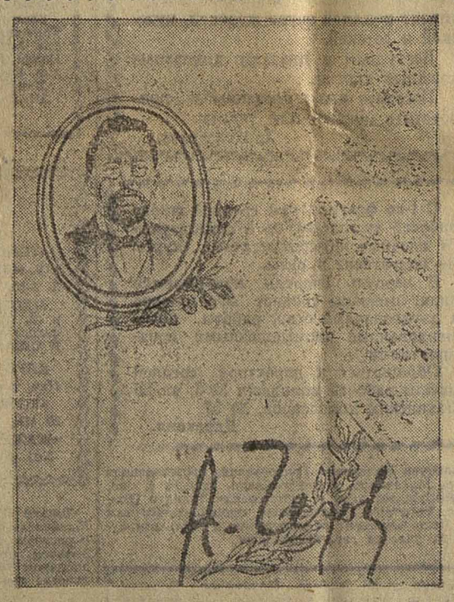
В концерте, программа которого целиком состояла из произведений Антона Павловича, принимали участие лучшие артистические силы московских театров.

На вечере в числе почетных гостей был и находившийся тогда в Москве народный поэт Дагестана Гамзат Цадаса, к слову сказать, очень любивший и остро чувствовавший юмор Чехова.

После вечера Гамзат попросил прочесть ему несколько юмористических рассказов Чехова, которые он живо воспринял. Поэт долго смеялся над ними, восхищаясь наблюдательностью писателя.

Под впечатлением посещения Большого театра и только что прочитанных рассказов Гамзат написал несколько стихотворных строк на концертной программе, которую прислал в редакцию писатель Р. Фатуев.

На снимке: программа концерта с автографом Г. Цадасы. Поэт пишет о бессмертии славы А. П. Чехова. «Хоть печать безмолвия на его красноречивых устах, сверкают для нас рассказы писателя», — так кончается стихотворение.



Р. ФАТУЕВ

Чеховский девиз

Из воспоминаний

Записные книжки

В один из ранних приездов Эффенди Капиева в Москву ему попались «Записные книжки» А. Чехова, вышедшие в издательстве «Круг». Помнится, это было первое советское издание «Записных книжек» великого русского писателя. Эффенди упоенно зачитывался ими, смакуя вслух каждую удачную запись, приходя в радостно-шумное настроение от верно схваченной детали, от тонко подмеченных черточек в характере тех или иных лиц, даже от простого перечня фамилий будущих героев рассказов.

— Здорово! Замечательно! — восклицал он, сплевывая от удовольствия на пальцы (привычка, от которой он долго не мог избавиться) и крепко их потирая. — Ну, и Антон Павлович! — он хохотал до икоты. — Вот художник! Две-три фразы и — весь герой на ладони! Ты видишь его воочию: он стоит перед тобою во весь рост!..

Не беру на себя смелость утверждать, что именно это первое знакомство Эффенди с «Записными книжками» Чехова и послужило толчком к постоянным и систематическим записям мыслей, наблюдений, услышанных разговоров и т. п., но могу засвидетельствовать: «Записные книжки» Чехова произвели на Эффенди огромное, трудно с чем-либо сравнимое впечатление! Однако не исключена возможность, что Эффенди под их впечатлением и начал делать свои первые записи, которые впоследствии обратились в профессиональную привычку, в насущную потребность художника.

А. Чехов и И. Бунин — писатели, наиболее близкие Эффенди по своим литературным приемам. Манера изложения и весь строй их произведений постоянно привлекали его внимание, заставляли вчитываться в каждый абзац, в каждую строчку. В период усиленной работы над прозой они были его постоянными и любимыми учителями. У Бунина Эффенди особенно нравился рассказ «Перевал», у Чехова — его первая большая вещь, повесть «Степь». Разумеется, по этим двум произведениям нельзя «открыть секрет творчества» ни того ни другого писателя, однако, Эффенди считал их для себя образцом, во многом следовал им и особенно в описании природы.

«История одной поездки», как значится в подзаголовке к повести «Степь», удивительно напоминала Эффенди его поездки по Сальским степям вместе с отцом Мансуром в детские годы. Как для чеховского героя Егорушки бескрайняя степь была полна жизни, красоты и необычайных открытий, так и для маленького Эффенди она открывала на каждом шагу свои невиданные богатства. Утром она казалась ему одной, средь дня она обретала уже другой облик, а к вечеру была совсем непохожей: из ласковой и нежной превращалась в суровую. Впечатления Эффенди совпадали с впечатлениями Егорушки, и потому созданный Чеховым маленький герой казался Эффенди таким близким и родным. И то, что все впечатления переданы через психологию и воображение Егорушки, делало эти впечатления особенно сильными, заставляя Эффенди воспринимать их, как свои собственные. Вот почему Эффенди так страстно любил повесть «Степь», бесконечное количество раз перечитывал ее и каждый раз находил в ней все новые и новые художественные достоинства, считая «Степь» частью своей личной и творческой биографии.

Дело литературоведов установить связь произведений Капиева с этими литературными шедеврами — в данном случае речь идет о личных его склонностях и симпатиях как писателя.

„Надо люто марать"

Эти слова А. П. Чехова являлись для Эффенди Капиева в пору его литературной зрелости своеобразным девизом. Недолгое время Эффенди вместе с семьей пришлось жить в Ессентуках. Лично для него как писателя это было очень трудное и напряженное время. Он часто сетовал на свою жизнь.

«По своему характеру я привязчивый человек. Уж такова моя собачья натура. Из-за этой проклятой привязчивости я терплю беды. Привязываюсь к людям, к месту, к столу, за которым работаю, к постели, на которой сплю. Словом, страдаю собачьей привязчивостью. Теперь представь себе, как мне трудно покинуть Дагестан и жить в Ессентуках. Тихо и сонно до одури! Осень — мертвый сезон. Сижу, не разгибаясь, над «Думами о Родине». И сам полон раздумья о жизни, о своей судьбе. Вся радость и утешение — в работе. Работаю неистово, сверх сил, — не смейся! — титанически. И обиднее всего — так мало, так ничтожно мало получается! Десять-двенадцать строк за день (читай — за сутки)».

Другое письмо начиналось патетически: «О, теперь я всласть познал «муки творчества», — ведь только из них и состоит вся моя горестная жизнь! Работаю без расчета на человеческие возможности. Иногда хватаю себя за руку и говорю: «Успеешь!» А стоит мне лечь в постель, как сердце начинает стучать: «Вставай, вставай!» И что ж — встаю. Пишу, пока свинцом не нальются веки. Мой девиз слова Чехова: «Надо люто марать!»

Эта фраза Чехова, как будто случайно поставленная в конце письма, в дальнейшем находит подробное истолкование. В своих последующих письмах Эффенди пишет: «Уметь марать — великое искусство! Я постепенно начинаю по-настоящему овладевать им. Скажу тебе: не простое дело «марать» (и особенно «люто»), на это нужен нюх (т. е. вкус), хороший глаз и слух, а в общем и целом — талант!.. Уж кто-кто, а я-то в этом убедился на собственной шкуре!..»

Не многим известно, каких усилий воли, бессонных ночей и раздумий стоило Эффенди написание даже небольшой по об'ему новеллы! Он преодолевал огромные трудности, чтобы выразить наиболее точно и ярко свою мысль по-русски, для чего бесконечное количество раз перечитывал Тургенева, Бунина, Чехова, Горького, — вбирая в себя каждую фразу, каждый оборот речи, каждое слово, беспрерывно учась русскому языку, русской речи.

«Я преклоняюсь перед русской литературой, и как бы она ни была недосягаема для меня—пацмена (какое противное слово!), я не хочу вползать в нее на коленях. Если она откроет для меня двери (а это больше всего зависит от меня самого), я войду в нее как равный, как вошли те, кто имели на это полное основание и право. Я чувствую, я знаю, я убежден — такой день настанет! Как скоро — боюсь сказать, но он будет, а иначе какой смысл жить? И лишь об одном я молю судьбу: не так долго, ибо жизнь (не говори, что я опять пугаю) моя короткая и можно не успеть. Потому-то я и сижу ночами, курю две сотни папирос в сутки, — пишу, пишу и пишу, пока красные чертики не запрыгают в глазах!».

Таково было собственное представление Эффенди о себе, как о писателе, как о человеке, которому предстояло своим трудом совершить жизненный подвиг. Он, как никто другой, прекрасно сознавал все трудности его, видел, каких усилий и упорства потребует от него это и что нужно сделать, чтобы все преодолеть и выйти победителем! И опять он приходит к выводу: упорство и упорство, твердо веря, что с ним он сможет одолеть все. Потому-то совет Чехова: «надо люто марать» он воспринял как наказ великого мастера всем, кто хочет чего-то достигнуть в литературе и, прежде всего, наказ ему, Капиеву.

„Подлые концы"

Метод работы Эффенди не может служить для кого-либо примером, — он лишь свидетельствует о той страстности, с какой он сам работал. А метод, как мы видим, у него был самый ужасный. Он просиживал напролет целые ночи по две-три недели кряду. Глаза нализались кровью, лицо принимало землистый оттенок, вокруг рта залегали морщины. Сидел он за столом, сильно сгорбившись и низко склонив голову, весь окутанный табачным дымом. Дышал тяжело, словно делал трудную физическую работу. И неизменно пил крепчайшей заварки холодный чай.

Больше всего времени у Эффенди уходило на первую фразу (или на первую строку в стихотворении). Он менял ее по нескольку раз. Переставлял слова, сокращал, удлинял и, наконец, отказывался от у меня в голове все сложилось, все ясно, но если первой фразы нет — не двинусь дальше. Я знаю: потом она не придет, и я непременно собьюсь с тона.

И Эффенди строго придерживался этого раз и навсегда установленного им правила. По этому поводу он как-то мне писал: «Прав Антоша, ох, как прав, когда советует: начало обкарнать наполовину, а лучше начинать прямо со средины. А я больше всего потею над началом, — уж такая ишачья натура,—чтобы сдвинуться и дальше идти по ровненькому, чистенькому месту... А надо быка за рога! — Сразу к земле и — баста! Надо, а вот не выходит! Трудился —и как трудился! —над началом к «Поэту». Потом пришел к выводу: тон не найден. Оставлю в заготовках».

Как известно, А. Чехов подолгу искал «концовки» к своим вещам и неоднократно жаловался: «Не даются подлые концы». Как-то на эту тему возник разговор между П. Павленко и Эффенди.

— Оказывается, и Антону Павловичу не давались! — обрадованно воскликнул Эффенди. — А я-то думал, что только мне трудно найти нужную концовку. Тогда не буду роптать! А концовки у Чехова прекрасные. Взять тот же «Вишневый сад». Все уезжают, забыв Фирса в опустевшей усадьбе. Забиваются окна, двери, в саду стучат топоры. Старый Фирс с грустью говорит: «Про меня забыли!» Вот найдена точка!

П. Павленко, улыбаясь, заметил:

— Кстати, сия концовка не принадлежит Антону Павловичу.

— Как так? — изумился Эффенди.

— Антон Павлович сделал ее по предложению Станиславского.

— Но все же он сделал!.. И мне нужно иметь своего Фирса, которому под занавес дать хорошие слова!

Как будто случайно возникший разговор. А между тем он имел существенные последствия. Сулейман в новелле «Страда» обрел слова: «Ты меня позоришь, Межведиль! Неужели нельзя не вмешиваться не в свои дела. Все идет правильно: убирают персики, зреет виноград!..» Возмущение Сулеймана поведением безобидного старика Межведиля подчеркивало настроение поэта, его радость и торжество. Была найдена та самая удачная «точка», о которой и шла речь. По этому поводу Эффенди пишет: «По десять раз, черт возьми, примеряюсь, прежде чем написать конец! Как прав, чертовски прав Чехов, заявив во всеуслышание: не даются подлые концы! Именно «подлые», т. к. не можешь понять: хороши они или плохи? Больше всего потею над началом вещи, а когда перевалю за середину, то над концом...»

Тургеневский старичок

Незадолго до напечатания «Поэта» в журнале «Октябрь» Эффенди читал свои новеллы в Московском клубе писателей. Организация вечера лежала на мне, поскольку я был в то время зам. директора клуба по творческим вопросам. Вечер прошел оживленно: желающих выступить и поделиться своими впечатлениями оказалось больше чем нужно, и выступали все доброжелательно, искренне, по-дружески. В моей памяти особенно запечатлелось выступление одного «любителя изящной словесности и почитателя Чехова» (так он рекомендовался собранию), седовласого старца, внешне очень похожего на Тургенева. Он об'яснил, что его приход в клуб вызван интересом к автору и желанием сказать ему несколько слов. Вся его возвышенная речь состояла из литературных сопоставлений и ассоциаций: «по-чеховски тонко и лирично», «чеховская задушевность», «в грустных чеховских полутонах», «с хорошим чеховским юмором» и проч.

Эффенди возвращается с вечера в радостно - приподнятом настроении.

— Тургеневский старичок меня умилил и насмешил, — возбужденно говорил он. — Можно ли такие параллели проводить? Я слушал и не знал, куда мне деваться! Сидел и повторял про себя: уж коли Чехова вспомнили, ну, Капиев, не оплошай!..

Мысли гражданина и художника

Если я литератор, то мне нужно жить среди народа.

* * *

...Художественное произведение непременно должно выражать какую-нибудь большую мысль. Только то прекрасно, что серьезно.

Мысли гражданина и художника

Если каждый человек на куске земли своей сделал бы все, что он может, как прекрасна была бы земля наша.

* * *

...На Енисее... жизнь началась стоном, а кончится удалью, какая нам и во сне не снилась...

Я стоял и думал: какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!

* * *

...Подвижники нужны, как солнце. Составляя самый поэтический и жизнерадостный элемент общества, они возбуждают, утешают и облагораживают.

* * *

Пусть на сцене все будет так же сложно и так же вместе с тем просто, как и в жизни.

ТАГАНРОГ — родина великого русского писателя А. П. Чехова. Здесь на бывшей Полицейской улице (ныне улица Чехова) в домике, принадлежавшем Гнутову, 17 (29) января 1860 года родился великий русский писатель А. П. Чехов. В 1933 году в этом здании был создан мемориальный музей — домик Чехова, в котором экспонируются материалы, отражающие жизнь А. П. Чехова в Таганроге до от'езда его в Москву в 1879 году.

На снимке: домик, в котором родился А. П. Чехов.

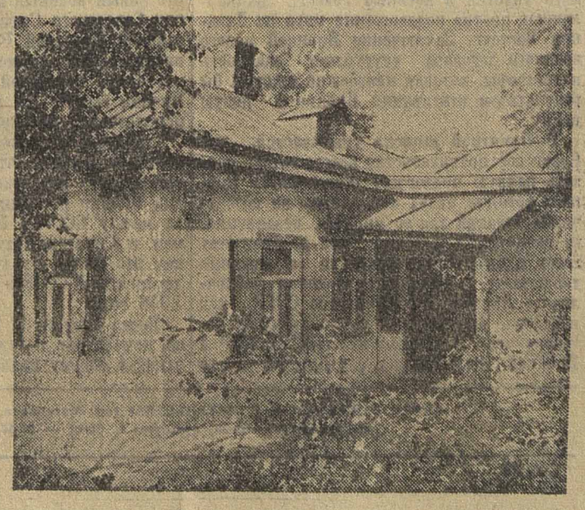



Фото Н. Ситникова.
Фотохроника ТАСС.